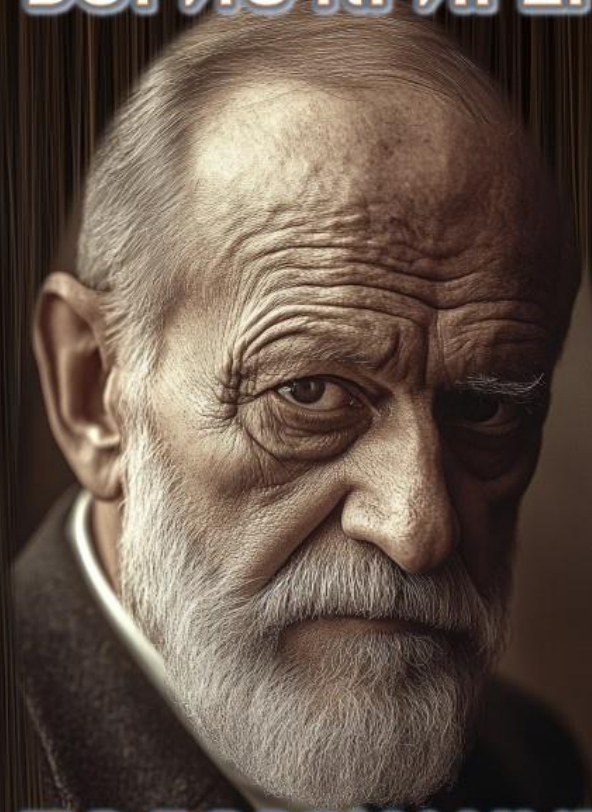

БОРИС КРИГЕР

**ПОДСОЗНАНИЕ
И СЕКСУАЛЬНОСТЬ
ЗИГМУНДА
ФРЕЙДА**

БОРИС КРИГЕР

ПОДСОЗНАНИЕ
И СЕКСУАЛЬНОСТЬ
ЗИГМУНДА
ФРЕЙДА

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Подсознание и сексуальность Зигмунда Фрейда

Эта книга — размышление о наследии Фрейда в контексте современного мира, где сексуальность больше не вытесняется, а рассеивается в потоках образов, технологий и симуляций. От первого открытия бессознательного до цифровой эпохи, где влечение утрачивает прежнюю направленность, психоанализ проходит путь переосмысления. Здесь фрейдизм рассматривается не как законченная теория, а как живой способ видеть невидимое, слышать то, что ускользает в повседневном, различать мотивации там, где кажется — просто привычка. Личность Фрейда, его внутренняя борьба, его язык, его метод — всё это становится поводом для разговора о том, как изменилось само желание и что остаётся от человеческого, когда исчезают прежние формы фрустрации.

ПОДСОЗНАНИЕ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Иногда всё начинается с неуловимого беспокойства, с чувства, которое не находит названия, с раздражительности, не имеющей ясной причины. Человек продолжает жить в пределах привычного ритма, выполняет обязательства, ведёт беседы, делает покупки, отвечает на сообщения, и всё же за всеми этими действиями ощущается лёгкое смещение — как будто движение внутренней жизни не совпадает с внешней. Нет ярко выраженной боли, нет отчётливой утраты, но есть нечто смутное, разлитое, как слабый электрический шум, пронизывающий каждый день. Это состояние редко описывается вслух. Оно не требует немедленного вмешательства, не вызывает тревоги, которую можно предъявить как симптом, не ведёт к срыву — напротив, оно стабильно, почти невидимо, и в этом его сила.

Неудовлетворённость в интимном плане, оставаясь в тени, может обрастать множеством маскировок — тревожностью, усталостью, потерей интереса, стремлением к контролю, навязчивым трудолюбием или равнодушием, принятым за зрелость. Она может проявляться в форме апатии, упрямой под уравниловку, или в форме раздражения, спихиваемого на внешние обстоятельства. В современном мире, где всё дозволено, где образы страсти и доступности повсюду, признаться себе в отсутствии переживания — это почти парадокс. Как можно быть сексуально фрустрированным, имея всё, что когда-то казалось недостижимым? Именно эта невозможность признания делает фрустрацию особенно

прочной: человек оказывается в ловушке — не между желанием и запретом, как прежде, а между желанием и его симуляцией.

Неудовлетворённость, не находящая выхода, не уходит — она меняет форму, проникает в повседневное поведение, формирует жесты, интонации, внутренние сценарии, которых сам человек может не замечать. Она становится тенью в речи, паузой в ответе, отклонённым взглядом, отказом от близости, которую вроде бы никто не запрещает. Это молчание о себе, это неспособность назвать то, что не забыто, но не осознано, лежит в самой основе внутреннего разлада. Именно отсюда, из этой невыразимой фрустрации, начинает прорастать пространство анализа — не как способ дать совет, не как механизм исправления, а как попытка услышать то, что не было сказано, и увидеть то, что каждый раз пряталось за словами «всё в порядке».

В том, как человек выбирает одежду, как двигается, как смотрит на себя в зеркале лифта — неуловимо проскальзывает та же энергия, что питает эротическое желание. Половая мотивация, скрытая, но постоянная, вплетена в повседневные действия, не называясь вслух и не претендуя на откровенность. Она может проявляться в выборе костюма для деловой встречи, в интонации, с которой произносится обыденная фраза, в настойчивости, с которой добиваются повышения, или в том, как оформляется электронное письмо — с тенью соблазна, с намёком на игру, с лёгкой стилизацией под уверенность, которая нужна не только ради результата.

Работа, при всей своей рациональности, редко бывает освобождена от эротической подоплёки. Там, где речь идёт о соперничестве, о стремлении произвести впечатление, о напряжении в коллективе, часто скрыта та же самая структура, что и в личных отношениях: желание быть замеченным, признанным, желанным — пусть и в другой форме. В стремлении к успеху, в готовности задерживаться дольше, в поиске внимания начальства или в игре на грани допустимого с коллегами — всё это может не осознаваться как сексуально окрашенное поведение, но в глубине мотивируется потребностью в признании, в одобрении, в отражении, которое даёт ощущение собственного тела, значимости, привлекательности.

Покупка автомобиля, украшений, брендовой одежды, косметики, даже гаджетов — нередко оказывается формой невербального высказывания: посмотри, кто я, посмотри, чего я достоин, чего желаю. Эти жесты, прикрытые рациональностью, экономическим расчётом или эстетическим вкусом, несут в себе то же напряжение желания быть увиденным, выделенным, признанным как объект влечения. Даже выбор продуктов может встраиваться в этот сценарий — где еда, как часть чувственного опыта, становится продолжением того же самого стремления к удовольствию, насыщению, контролю над телом и образом.

В обычном разговоре — в лёгкой шутке, в ненавязчивом прикосновении, в паузе, в которой дольше, чем нужно, задерживается взгляд, — вспыхивает нечто, не имеющее рационального объяснения. Сексуальная энергия

проникает в речь, в язык жестов, в структуру фраз, не будучи направленной на конкретный акт, а существуя сама по себе — как фон, как мотивация, как фонтан, из которого питаются даже самые нейтральные действия. И в этом повседневном, бытовом проявлении — в делах, покупках, общении — она продолжает существовать, маскируясь под эффективность, вкус, стиль, харизму, но оставаясь той же самой силой, что когда-то побуждала к первому слову, первому жесту, первому движению навстречу другому.

Психическая жизнь никогда не ограничивается только тем, что человек осознаёт. Даже в самые обыденные моменты, когда всё кажется контролируемым, внутреннее напряжение, вытесненные мысли, непризнанные желания продолжают искать выход — и находят его в деталях, настолько мелких и привычных, что они остаются незамеченными. Именно в этих едва уловимых смещениях и проскальзывает подсознательное — не громко, не навязчиво, а как бы мимоходом, между делом, почти случайно.

Оговорка — одно из таких проявлений. Когда в беседе вдруг произносится совсем не то слово, которое планировалось, когда чужое имя внезапно вклинивается в рассказ, когда банальная фраза оборачивается двусмысленностью — в этих сбоях, где язык предаёт намерение, проговаривается то, что не поддаётся контролю. Человек поправляется, смеётся, извиняется, списывает на усталость или рассеянность, но само слово уже прозвучало, и в нём — след той части психики, что не знает цензуры. Это не просто ошибка, это точка входа,

где бессознательное перехватывает речь, навязывает свой ход, оставляя после себя ощущение неловкости или, наоборот, странного узнавания.

Подобное происходит не только в словах. Малоаметные повторы, выбор маршрута, забытые встречи, случайные столкновения, в которых будто нет логики, — всё это может быть не таким уж случайным. Когда человек забывает имя, путает даты, теряет важную вещь в решающий момент — здесь также может действовать скрытый мотив, стремление уклониться, избежать, вытеснить. Повседневность, в этом смысле, никогда не бывает нейтральной: она насыщена проявлениями, которые не поддаются логике, но при этом точны в своей бессознательной структуре.

Жест, повторяющийся без нужды, привычка возвращаться к одной и той же теме в разговоре, странная эмоциональность в ответе на нейтральный вопрос — всё это может быть выражением чего-то неразрешённого, неоговорённого. Подсознательное, не имея собственного языка, пользуется языком обыденности, не будучи ни тайной, ни мистикой, а вполне структурированной системой, говорящей в сбоях, в повторах, в ошибках, в паузах.

Ежедневное поведение становится текстом, который можно читать — не с целью разоблачения, а с попыткой понять, откуда именно возникает напряжение, почему именно в этом месте происходит сбой, и что за этим может стоять. Бессознательное не прячется — оно

просто говорит своим, чуждым логике языком, и этот язык, понижающий повседневное, становится ключом к пониманию самого себя не как набора поступков, а как движения, в котором каждая мелочь имеет свой источник.

Когда взгляды Фрейда начали проникать в умы исследователей человеческой души, представление о внутреннем мире стало претерпевать глубокие изменения. Подсознание, ранее считавшееся туманной областью, где витали неясные образы и смутные желания, получило отчетливые очертания в свете научного подхода, в котором Фрейд отводил ключевое место скрытым импульсам, вытесненным из сознания. Эта теория, словно пробудившая дремлющее сознание эпохи, позволила взглянуть на душевную жизнь как на сложную структуру, где каждое стремление, даже подавленное или вытесненное, продолжает действовать, влияя на поступки, сны и невидимые движения внутреннего мира.

Превратив сексуальность из запретной темы в объект строгого анализа, учение стало вызовом культурным и нравственным нормам своего времени, обнаружив в влечении не только физиологическую природу, но и мощную психическую силу, формирующую поведение человека с ранних лет. Поскольку Фрейд связывал развитие личности с последовательностью психосексуальных стадий, то в каждой из них усматривал потенциальные конфликты, оставляющие след в бессознательном и проявляющиеся позже в форме комплексов, страхов или неврозов. Сопоставляя детские

переживания с будущими отклонениями в поведении, он утверждал, что подавленные желания не исчезают, а продолжают жить в искажённом виде, проникая в сны, оговорки, творческие порывы и даже болезненные симптомы.

Подобное смещение акцента с рационального сознания на скрытую часть психики открыло широкие горизонты не только для медицины и психотерапии, но и для искусства, философии, культурологии. Влияние бессознательного стало восприниматься как движущая сила не только индивидуальной судьбы, но и целых культурных пластов, пронизывая образы мифов, религиозных верований и коллективных архетипов.

Углубляясь в лабиринт человеческой души, психоанализ сформировал прочную структуру понятий, без которых невозможно представить себе полноценное понимание внутренней жизни личности. В центре этой системы оказались механизмы вытеснения и подавления, благодаря которым психика оберегает себя от столкновения с травматическими или неприемлемыми содержаниями. Вытесненное, не исчезая бесследно, продолжает существовать в скрытой форме, проникая в повседневность через символику снов, неожиданные вспышки эмоций, необъяснимые тревоги или иррациональные поступки. Подавление же, действуя более осознанно, становится средством социальной адаптации, позволяя человеку сохранять устойчивость, не поддаваясь разрушительным импульсам.

На пересечении этих процессов возникает сублимация — один из наиболее сложных и многогранных механизмов, превращающий вытеснённые влечения в созидательные проявления. Будь то искусство, наука, философия или техническое творчество, именно сублимация позволяет бессознательной энергии, не находящей прямого выхода, принять формы, одобряемые обществом. Эта трансформация становится не просто средством компенсации, но и важнейшей движущей силой духовного развития.

Влечения, будучи по своей природе амбивалентными, никогда не сводятся к единственной направленности. Сложная структура желаний охватывает как стремление к удовольствию, так и стремление к разрушению, объединяя противоположности в единое поле психической напряжённости. Эта двойственность, проявляясь в любви, ненависти, влечении к жизни и тяготении к смерти, делает человеческую душу ареной непрерывной борьбы, где каждое переживание несёт в себе отпечаток внутреннего конфликта. В психоаналитической парадигме подобная сложность воспринимается не как отклонение, а как изначальная данность, требующая понимания и бережного анализа.

Внутренний ландшафт детства, едва обозначившись в памяти, уже оказывается насыщенным драматизмом и скрытой напряжённостью, определяющей направление дальнейшего развития личности. В центре этого поля оказываются первичные эмоциональные связи с

родителями, которые, согласно психоаналитическим представлениям, играют роль первичных моделей всех последующих отношений. Эдипов комплекс, как ключевой момент в формировании субъективного мира, обнажил скрытые конфликты между стремлением к родительской фигуре противоположного пола и соперничеством с родителем того же пола. Это внутреннее противоречие, разворачиваясь в раннем возрасте, сопровождается вытеснением запретного желания и формированием нравственного начала, которое впоследствии вырастает в структуру Сверх-Я.

Зеркальное отражение этого переживания в женской психике, названное комплексом Электры, указывает на схожие, но окрашенные в иную эмоциональную тональность, процессы. Стремясь к отцу и испытывая внутреннюю конкуренцию с матерью, девочка, проходя сквозь напряжённые этапы идентификации, формирует собственное представление о женственности, любви и власти. Оба этих комплекса становятся не просто эпизодами психического становления, но глубокими структурами, влияющими на выбор партнёров, отношение к власти, понимание долга и вины, переживание утраты и построение собственного «Я».

Именно эти ранние и, казалось бы, забытые сцены, проникая в бессознательное, продолжают определять сценарии жизни, словно воспроизводя неразрешённые конфликты в новых обстоятельствах. Отголоски этих изначальных влечений, преломляясь сквозь опыт, знания и культурные коды, оживают в отношениях, в выборе жизненного пути, в страстях и в страхах. Сложная ткань

психики, впитавшая в себя драму раннего детства, сохраняет следы этих столкновений, превращая судьбу в тонко сплетённую комбинацию осознанного и вытеснённого.

Когда взгляды Фрейда только начинали обретать форму, их очертания рождались внутри пространства, в котором каждое проявление телесности рассматривалось сквозь призму запрета и стыда. Викторианская Европа, ставшая фоном его размышлений и наблюдений, диктовала жёсткие нормы, скрывая за внешней строгостью бурные внутренние конфликты. В этих условиях, где сексуальность вынуждена была существовать в состоянии постоянного подавления, теория бессознательного становилась не только научной гипотезой, но и средством интерпретации глубоко вытеснённой жизненной силы. Сформированные в атмосфере моральных ограничений, фрейдовские концепции отразили особенности эпохи, где каждая эмоция, нарушающая установленный порядок, пряталась в тени.

Именно поэтому психоанализ в своём классическом облике оказался тесно связан с историческим моментом, в котором он возник. Наблюдая за пациентами, жившими под гнётом культурных ожиданий, Фрейд делал выводы, отражавшие структуру не только психики, но и той социальной ткани, что её формировала. Подавление инстинктов, постоянная внутренняя борьба между желаниями и запретами, тревога как неизбежное следствие внутреннего разлада — всё это складывалось в стройную картину, понятную

современнику, выросшему в условиях жёсткой викторианской морали.

Однако именно эта привязка к определённомu историческому контексту наложила ограничения на универсальность ряда положений. Время, в которое Фрейд создавал свою систему, окрашивало её в специфические оттенки, и многие наблюдения, сделанные им, несли в себе черты эпохи, где страсть была преступлением, а искренность — редким проявлением свободы. Постепенно изменяясь под влиянием новых социальных реалий, психоанализ начал переосмысливать свои основания, открывая возможность для более гибкого и многогранного понимания человеческой природы.

С переходом к культуре, в которой телесность перестала быть предметом замалчивания, многие из положений классического психоанализа утратили свою былую очевидность. Сексуальность, ранее существовавшая в тени нравственных запретов, теперь занимает одно из центральных мест в общественном пространстве, проникая в язык рекламы, формируя образы публичных фигур и становясь средством выражения индивидуальности. Там, где раньше доминировало вытеснение и стыд, сегодня господствует демонстративность и открытость, порой переходящая в стремление к эпатажу.

В этой новой реальности представления Фрейда, выросшие из опыта общества, в котором даже намёк на

сексуальное влечение воспринимался как угроза моральному порядку, начинают звучать иначе. Исчезает прежний драматизм внутренней борьбы, на смену которой приходит конфликт иного рода — не между влечением и запретом, а между подлинным желанием и навязанной публичной ролей. Сексуальность перестаёт быть только личным переживанием, превращаясь в социальный конструкт, часто подверженный внешнему формированию, от моды до идеологических течений.

Противоречия, некогда сосредоточенные в глубинах бессознательного, смещаются в плоскость представлений, кодов, идентичностей, где человек уже не просто борется с запретами, а сталкивается с необходимостью выбирать между многочисленными формами самовыражения. И если в викторианскую эпоху психика спасалась вытеснением, то современность требует способности ориентироваться в избытке стимулов и моделей поведения, нередко подменяющих собой собственные, неосознанные импульсы. Это превращает проблему сексуальности из вопроса подавления в вопрос подлинности и различения между истинным и сконструированным.

Под натиском культурных перемен, когда прежние границы стираются, а внутренние барьеры теряют былую жёсткость, человек оказывается не освобождённым, а поставленным перед множественностью выборов, в которых невозможно обрести уверенность. Фрустрация, ранее рождённая

запретом, теперь питается другим источником — перенасыщением, избыточностью, навязчивым разнообразием возможных идентичностей и ролей. Отказ от нормы не привёл к освобождению от страдания, а лишь трансформировал его форму, превратив внутренний конфликт из борьбы с внешним запретом во внутреннюю дезориентацию.

Зигмунд Фрейд родился в 1856 году в моравском городке Фрайберге, в семье еврейского торговца. Он был первым ребёнком во втором браке отца, старше своих сестер и братьев, но младше некоторых детей от предыдущего брака. Уже в детстве, проведённом в Вене, он проявил склонность к наблюдательности, к самоуглублённости, к любви к чтению и к языкам. Оказавшись в окружении строгой морали и буржуазного самоконтроля, он рос в среде, где многое было недосказано, замалчивалось, вытеснялось — возможно, именно это и стало его будущей территорией исследований.

Получив медицинское образование, Фрейд сначала занялся неврологией, изучал анатомию мозга и даже участвовал в лабораторных работах по исследованию мозговой ткани. Но вскоре его внимание сместилось от физической к психической природе страданий. Работая с пациентами, страдающими истерией, он пришёл к выводу, что причины недуга нельзя объяснить только телесными нарушениями. Это стало поворотным моментом. В сотрудничестве с Жаном-Мартеном Шарко в Париже и Иосефом Брейером в Вене он начал использовать гипноз и метод свободных ассоциаций, что постепенно привело его к формулировке собственных

взглядов на бессознательное.

Первые публикации, в том числе «Исследования истерии» (в соавторстве с Брейером, 1895 год), заложили основу новой дисциплины — психоанализа. Но настоящим переломом стала работа «Толкование сновидений» (1900 год), где Фрейд предложил рассматривать сны как выражение вытесненных желаний, замаскированных в символических формах. Он описал механизм сновидения как «работу», где латентное содержание преобразуется в явное через искажение, смещение и сгущение. С этого момента психоанализ начал стремительно развиваться, становясь не просто терапевтической практикой, а новой моделью понимания человека.

Он писал много — от «Трёх очерков по теории сексуальности» до «Я и Оно», от «Будущего одной иллюзии» до «Недовольства культурой», выстраивая целостную философию субъекта, где человек перестаёт быть автономной личностью и превращается в арену борьбы влечений, страхов, вытеснений и воспоминаний. В центре этой картины находилось либидо — энергия сексуального влечения, которую он считал универсальным мотором психической жизни. Отсюда вытекала модель развития личности, в которой ключевыми стали стадии детской сексуальности, в том числе — скандально известный Эдипов комплекс, ставший символом всей фрейдовской системы.

Однако с ростом популярности пришла и критика. Уже

современники обвиняли Фрейда в излишнем биологизме, в гиперсексуализированности его теории, в стремлении объяснить слишком многое одной и той же моделью. Позднее, в XX веке, представители различных направлений — от структуралистов до феминисток, от постмодернистов до когнитивных психологов — указывали на ограниченность его подхода, на его слепоту к культурному разнообразию, на европоцентризм и мужскую оптику. Фрейд пытался создать универсальную модель, но строил её на материале, глубоко укоренённом в реалиях Вены конца XIX века — с её пуританскими запретами, с жёсткой моделью семьи, с подавленными женскими голосами. Он мало обращал внимания на социальный контекст, почти не учитывал политическое, расовое, классовое измерение человеческого опыта.

Тем не менее, несмотря на все споры и пересмотры, его фигура остаётся одной из центральных в истории мышления. Он не просто описал механизм психики — он предложил язык, на котором человек может говорить о себе вне рационального, вне видимого, вне контролируемого. И хотя многое в его теории сегодня пересматривается, сам способ заглядывать в неосознанное, считывать смысл в ошибке, симптоме, сновидении — этот метод продолжает жить, видоизменяясь, выходя за пределы медицины, проникая в искусство, литературу, кино, философию. Фрейд стал не просто врачом или мыслителем — он превратился в фигуру, по следам которой продолжается движение.

Вопрос о личной сексуальной удовлетворённости

Фрейд — тонкий и во многом нерешаемый, поскольку он сам оставался достаточно сдержанным в автобиографических признаниях, а его переписка и свидетельства современников дают лишь фрагментарное представление. Тем не менее, следы личного опыта, внутренних напряжений и, возможно, нерешённых конфликтов можно различить в самой ткани его теории — как будто модель психоанализа несёт в себе не только клиническое обобщение, но и отражение судьбы того, кто её создал.

Известно, что Зигмунд Фрейд женился на Марте Бернайс в 1886 году, и у них родилось шестеро детей. Однако после рождения младшего, по его собственным словам, сексуальные отношения в браке были прекращены. Этот факт, если принимать его всерьёз, указывает на длительный период воздержания, что ставит вопрос: было ли это сознательным выбором, символическим жестом, актом подавления или следствием внутренних напряжений, сублимированных в интеллектуальную деятельность?

В письмах к своему близкому другу Вильгельму Флису Фрейд упоминает о своём телесном и душевном напряжении, о снах, наполненных эротическими образами, о навязчивых мыслях, от которых он старается дистанцироваться. Он с удивительной откровенностью размышляет о собственных сновидениях, признавая их насыщенность вытеснёнными желаниями. Это создаёт образ человека, который всю жизнь вёл непрерывный внутренний диалог со своей собственной сексуальностью — не всегда гармоничный, скорее

аналитический, исследовательский, иногда мучительный.

Некоторые биографы и исследователи склонны полагать, что именно личные затруднения, невозможность обрести телесную свободу, строгость внутреннего цензора, глубокая связь с матерью и сложное отношение к женственности оказали влияние на формирование его теорий. Концепция вытеснения, идея подавленных влечений, страх кастрации, настойчивое внимание к Эдипову комплексу — всё это может быть не только результатом наблюдений, но и попыткой осмыслить собственную внутреннюю топографию. Сама фигура Фрейда как будто удвоена: мыслитель, анализирующий других, и одновременно субъект, не до конца освободившийся от того, что он изучает.

И всё же было бы ошибкой сводить психоанализ к автобиографии его основателя. Хотя личный след несомненно заметен, особенно в акценте на сексуальности как источнике внутреннего конфликта, теория не исчерпывается этим. Она становится более широкой, выходя за пределы индивидуального опыта и формируя язык, на котором можно размышлять о самых разных проявлениях человеческой психики. Личный отпечаток, безусловно, придаёт ей особую плотность, интимность, напряжённость — но не отменяет её значимости как структуры мышления о другом, не поддающемся прямому выражению.

В атмосфере постмодерна, где исчезает стабильная

структура ценностей и каждый жест становится текстом, подлежащим интерпретации, запрет как форма власти уступает место соблазну. В этом пространстве уже не слышно строгого «нельзя», но зато непрерывно звучит другое послание — «можно всё», а в нём таится новая угроза: не в ограничении, а в невозможности различить подлинное желание среди навязанных. Когда каждая фантазия заранее предугадана культурной индустрией, а каждое стремление оборачивается товаром, удовлетворение перестаёт быть точкой завершения — оно становится бесконечно отодвигаемой целью, всегда чуть дальше, чем то, что уже достигнуто.

Эта новая фрустрация, возникшая не из запрета, а из перегрузки, порождает иное напряжение — тревогу не о том, что не позволено, а о том, чего на самом деле хочется. Психика, теряя опору в ясных границах, погружается в тревожное поле неопределённости, где исчезает различие между истинным и сконструированным, между желанием и рекламным образом, между личным выбором и социальным диктатом свободы. И в этом лабиринте избытка человек, даже обладая возможностью сказать любое «да», вновь сталкивается с тенью своего «нет», на этот раз обращённого не вовне, а внутрь.

Современные исследования, проводимые в разных странах, всё чаще указывают на тревожную тенденцию: несмотря на возросшую сексуальную свободу, открытость к обсуждению интимных тем и доступность эротического контента, уровень реального сексуального удовлетворения у людей снижается. Эта статистика

говорит о том, что разрешённость и доступ не тождественны глубинному удовлетворению — напротив, они порой лишь маскируют разобщённость, неуверенность, утрату контакта с собственным телом и живым другим.

По данным Британского национального опроса сексуального поведения и образа жизни (Natsal-3), около 51% женщин и 42% мужчин в возрасте от 16 до 44 лет признаются, что испытывают отсутствие интереса к сексу хотя бы на протяжении нескольких месяцев в году. При этом значительная часть из них состоит в отношениях. Указывается также, что частота сексуальных контактов за последние 20 лет снизилась примерно на 20–30%, особенно среди молодёжи.

В США исследования, проводимые Американской социологической ассоциацией, выявили, что с 1990-х годов количество взрослых, не имевших секса в течение года, увеличилось почти вдвое, особенно среди молодых людей. Согласно исследованию Университета Индианы (National Survey of Sexual Health and Behavior), до 33% взрослых американцев сообщают о неудовлетворённости своей сексуальной жизнью, несмотря на доступность партнёров, ресурсов и информации.

Особенно поразительна статистика среди поколений, выросших в цифровую эпоху. По данным издания The Atlantic и исследований профессора Джин Твендж (Jean Twenge), поколение Z (родившиеся после 1995 года)

занимается сексом реже, чем любые предыдущие поколения, начиная с 1950-х годов. Основные причины — тревожность, цифровая зависимость, неудовлетворённость собой, проблемы в коммуникации, а также эффект «пересыщения» эротическими стимулами, не приводящими к реальному телесному опыту.

В Японии, согласно исследованию Национального института народонаселения и социальной безопасности, более 45% женщин и 25% мужчин в возрасте 18–34 лет заявляют, что никогда не имели сексуального опыта, а более половины не состоят в отношениях. Подобные данные получили и южнокорейские исследователи: несмотря на внешне либеральную среду, сексуальная активность продолжает снижаться, особенно в городах с развитой цифровой инфраструктурой.

На этом фоне тревожные сигналы поступают и от специалистов в области психического здоровья: растёт уровень жалоб на потерю желания, тревожность в интиме, чувство отрешённости от партнёра даже при физической близости. Всё чаще звучат определения вроде «тело рядом, но желания нет», «интим есть, но не чувствуешь себя живым». Эти данные подтверждают, что речь идёт не о снижении активности как таковой, а об утрате насыщенности, смысловой глубины и контакта.

Совокупность этих фактов позволяет говорить не просто о снижении интереса или частоты, а о глубинной

трансформации самой природы влечения и удовлетворения, где телесность остаётся, но становится как бы выключенной, где возбуждение присутствует, но не ведёт к наполнению, где желания теряют направленность, растворяясь в абстрактных образах.

Порнография и секс-игрушки, будучи изначально средствами возбуждения и частичного удовлетворения, всё чаще становятся не поддержкой, а заменой живого телесного опыта — с его непредсказуемостью, несовершенством, эмоциональной уязвимостью и, вместе с тем, глубиной. Их доступность и эффективность создают иллюзию контроля, в которой возбуждение становится технически воспроизводимым действием, отключённым от межличностной сложности, от ожиданий, отказов, стыда, неловкости — всего того, что делает реальный интим одновременно трудным и насыщенным.

Порнография предлагает образ тела, подчёркнуто готового, молчаливого, всегда открытого к действию, отзывающегося на стимул немедленно и безотказно. Это тело не требует диалога, не сопротивляется, не нуждается в реакции в ответ. Со временем формируется определённый паттерн возбуждения, в котором исчезает связь с конкретным живым партнёром, со временем, с тактильностью, с запахом, с дыханием, с неровностями контакта. Возникает привычка к нарративам, построенным на сверхстимуляции — смене кадров, сюжета, ролей, а главное — на исключении паузы, заминки, искреннего взгляда. Это воспитывает не только реакцию, но и тип желания: желание к визуальному, а не

к телесному, к идеальному, а не к реальному.

Секс-игрушки, особенно те, которые используют постоянный, предсказуемый, идеально адаптированный ритм стимуляции, воспитывают в теле новую чувствительность — точнее, сверхчувствительность к машинному раздражителю и, как следствие, утрату тонкой настройки на прикосновение другого человека. Удовлетворение становится механическим: яркое, быстрое, контролируемое. При этом тело, привыкая к интенсивному, часто теряет способность откликаться на естественные ритмы — на постепенность возбуждения, на паузы, на несовершенное взаимодействие, где отклик рождается не сразу, а в процессе. Чем чаще такое удовлетворение повторяется, тем труднее телу и психике погружаться в неуправляемое, живое, телесное взаимодействие с другим.

Реальный секс требует доверия, присутствия, реакции на сигналы, не заданные заранее, — всё это отсутствует в цифровом и техническом замещении. Кроме того, живой партнёр — это не только источник удовольствия, но и зеркало, в котором отражается собственная неуверенность, телесная хрупкость, страх быть отвергнутым. Именно эта зона риска создаёт ту плотность опыта, которую невозможно симитировать. Порнография и гаджеты устраняют эту зону риска, предлагая безопасную, но обеднённую версию контакта, в которой нет необходимости ни быть другим, ни смотреть в глаза, ни ждать, ни ошибаться.

Постепенно происходит разрыв: возбуждение — одно, близость — другое. Секс становится действиям без глубинной вовлечённости. Всё реже возникает ощущение, что за телом есть личность, а за прикосновением — отношение. Желание отрывается от общения, а общение от желания. И когда человек пытается вернуться в пространство настоящего взаимодействия, он нередко сталкивается с растерянностью: возбуждение не приходит, реакция тела слабее, внимание ускользает, фантазия работает отдельно от происходящего, а партнёр становится как будто внешним, чужим, недостаточно сильным стимулом по сравнению с тем, к чему тело уже привыкло.

Поэтому речь идёт не о морали, а о психофизиологической перестройке восприятия, о смене типа возбуждения — с живого на искусственное, с непредсказуемого на контролируемое, с межличностного на изолированное. И в этой перестройке удовлетворение, казалось бы усиленное технологиями, оборачивается его отсутствием — не в смысле оргазма, а в смысле глубины переживания, насыщенности, соприсутствия.

Телесный контакт, особенно близкий — поцелуи, прикосновения, обнажённость кожи, прикосновение языком, дыхание вблизи, — запускает сложнейшую биохимическую цепь, в которой участвует не только сознание, но и древние механизмы тела, сформированные задолго до появления речи, морали и культуры. Всё то, что в цифровом взаимодействии или

при использовании эротических заменителей отсутствует или симулируется, здесь возникает в своей полноте: выбросы гормонов, восприятие феромонов, электрические импульсы от кожи к мозгу, всё, что делает близость не просто механическим действием, а переживанием целого.

При поцелуях активизируются участки мозга, отвечающие за удовольствие и эмоциональную память. Особенно важна роль дофамина, выделяющегося при возбуждении и удовольствии, — он усиливает чувство наслаждения, делает прикосновение значимым, запоминающимся, формирует привязанность. Одновременно с этим в кровь поступает окситоцин, так называемый гормон привязанности, — именно он делает прикосновение не просто приятным, а эмоционально насыщенным, связывающим. В моменты, когда тела соприкасаются кожей, особенно в области лица, шеи, груди, паха — чувствительных и насыщенных рецепторами, — происходит не просто передача возбуждения, но тонкая настройка двух нервных систем друг на друга.

Поцелуи активизируют вкусовые и обонятельные рецепторы, через которые передаётся информация о феромонах — невидимых и неосязаемых напрямую химических сигналах, содержащих сведения о генетической совместимости, уровне стресса, здоровье, даже о гормональном цикле партнёра. Эти сигналы не распознаются сознанием, но влияют на возбуждение, на выбор, на привязанность. Установлено, что люди часто предпочитают партнёров с отличающимся от их

собственного генетическим набором иммунных белков (МНС), и феромоны помогают почувствовать эту различимость.

Во время длительного телесного контакта усиливается выделение эндорфинов — естественных обезболивающих и источников чувства расслабления и счастья. Это те же вещества, что высвобождаются при беге, прослушивании музыки, еде, но в близости они действуют особенно интенсивно. Возникает состояние, в котором тело чувствует себя в безопасности, тепло, насыщено, полноценно — не только от удовольствия, но от ощущения близости, принятия, соприсутствия.

Кожа, будучи самым протяжённым органом чувств, воспринимает прикосновение как сигнал к регуляции настроения, снижению тревожности, восстановлению телесной границы. При этом интимные формы взаимодействия — лизание, сосание, укусы — активизируют древние зоны мозга, связанные с кормлением, защитой, исследованием, формируя сложное переплетение возбуждения и инстинктивной безопасности.

Эти реакции невозможно вызвать при просмотре экрана, использовании игрушки или возбуждении без участия другого. Они требуют присутствия — не просто физического, но телесного, с его запахом, температурой, ритмом дыхания, микродвижениями. Именно поэтому после искусственного возбуждения остаётся ощущение изоляции, пустоты, даже если всё было технично и

«правильно». Отсутствие телесного обмена веществами, сигналами, импульсами делает процесс ограниченным — механическим, но не прожитым.

Именно это различие — между возбуждением на поверхности и возбуждением, проходящим сквозь тело до самых глубин его биохимии, — определяет, почему даже частые имитации сексуальности не дают насыщения. Настоящее соединение двух тел — это не просто акт, это диалог на уровне, которому нет цифрового аналога.

В контексте современной реальности, где цифровые технологии проникают во все уровни человеческого существования, классическое понимание психических процессов требует существенной переработки. Социальные сети, порнография, постоянный поток визуальных стимулов и размывание границ между личным и общедоступным кардинально изменили структуру влечения и способ его переживания. Там, где ранее либидо направлялось на конкретный объект и находило выражение в стремлении, формировавшем как желания, так и препятствия к их реализации, теперь происходит распыление энергии в бесконечном множестве образов и симуляций.

Фигура влечения, вместо того чтобы устремляться к цели, дробится на фрагменты, рассеивается в потоках контента, теряя прежнюю напряжённость. Целостность эротического импульса, которая в психоанализе рассматривалась как основа созидательной активности,

постепенно уступает место пассивному потреблению и мгновенной реакции. Больше не требуется преодолевать внутренние конфликты, бороться с сопротивлением или преобразовывать желания в символические формы — достаточно пролистать, нажать, выбрать, и вместо реализации приходит иллюзия насыщения, мгновенная, но пустая.

Цифровая среда, предлагая бесконечное количество объектов притяжения, одновременно разрушает способность сосредоточиться на чём-то одном. Это касается не только эротической сферы, но и более широких механизмов выбора, привязанности, мотивации. Стимул теряет свою уникальность, превращаясь в единицу потока, и либидо, не находя точки приложения, не исчезает, но переходит в состояние хаотичного движения, где невозможность различить важное и второстепенное становится новой формой фрустрации.

Психоанализ, стремящийся осмыслить современного субъекта, вынужден учитывать не только изменившуюся структуру желаний, но и ту среду, в которой эти желания формируются. В виртуальной реальности, где публичное перестаёт быть противоположностью частному, а интимность становится частью социального капитала, душевная жизнь обретает другие очертания. Здесь уже недостаточно говорить о вытеснении — гораздо точнее будет описывать новые формы ускользания, развоплощения, растворения личности в сетевом зеркале, где отражение множится, а целостность становится всё более хрупкой.

Несмотря на радикальные перемены в культурном ландшафте, сублимация сохраняет своё значение как один из важнейших психических механизмов, позволяющих преобразовывать энергию влечений в продуктивные формы. Однако её проявления уже не ограничиваются традиционными рамками искусства, науки или религиозного служения, как это было в более ранние эпохи. Сегодня сублимация вплетается в практики, не имеющие чётких границ между внутренним импульсом и внешним действием, становясь частью публичного жеста, визуального высказывания, тщательно сконструированного имиджа или ситуативного перформанса, где грань между искренностью и стратегией намеренно размывается.

Самовыражение, вытеснившее прежнюю модель сдержанности, всё чаще становится ареной, на которой разворачивается символическая переработка влечений. Вместо вытеснения — стилизация, вместо подавления — репрезентация, и эта репрезентация стремится быть одновременно индивидуальной и социально узнаваемой. Брендинг собственной личности, распространённое в цифровом пространстве, превращается в современный аналог сублимации, где энергия, прежде обращённая к внутренней переработке, направляется на создание знака, визуального кода, эстетического контура, пригодного для восприятия, оценки, повторения.

Перформативность, как способ бытования в современном мире, соединяет в себе элементы спектакля, исповеди и маркетинга. Здесь сексуальная энергия уже не столько преобразуется в отвлечённые формы, сколько становится частью публичного акта, в котором личность сама становится символом. Этот акт, будучи результатом сублимационного процесса, утрачивает прежнюю глубинную направленность и укоренённость в бессознательном, приобретая черты мимолётного, контекстуального, направленного не на трансформацию внутреннего, а на производство внешнего эффекта.

Тем самым сублимация, не исчезая, изменяет свой вектор: она больше не требует строгой переработки, а допускает немедленное обращение желания в знак, в форму, в образ. В этих новых условиях потребность в символическом выражении влечений остаётся столь же насущной, как и прежде, но её реализация всё чаще проходит не через длительное напряжение и отложенное удовлетворение, а через быструю конвертацию импульса в продукт. В результате создаётся культура, в которой личный опыт становится материалом для визуального рассказа, а трансформация интенций — способом выстраивания субъективной витрины.

Устремляя взгляд за пределы европейской традиции, становится очевидным, что фрейдовская модель психики, выросшая из глубин конкретной историко-культурной ситуации, не может претендовать на универсальность без серьёзного переосмысления. Строя свою теорию на наблюдении за людьми, погружёнными

в атмосферу морального подавления и запретов, Фрейд описывал механизмы, характерные в первую очередь для общества с жёсткими рамками сексуального поведения. Однако в тех культурах, где телесность изначально не обременена виной, а сексуальные практики регулируются иными способами, фрейдистская концепция влечений, вытеснений и комплексов теряет большую часть своей объяснительной силы.

В полинезийских обществах, где эротическое воспитывается с раннего возраста и не ассоциируется с грехом или запретом, внутренняя драма, столь характерная для европейского субъекта, оказывается в значительной мере отсутствующей. Здесь сексуальность не нуждается в переработке, не выстраивается на противопоставлении дозволенного и запретного, а воспринимается как естественная часть взросления и социальной жизни. То же касается и традиций индуистской культуры, где эротизм может носить сакральный оттенок, будучи вписанным в систему религиозных символов, ритуалов и философских размышлений. В подобной системе координат не возникает потребности в том, чтобы подавлять или вытеснять влечение, поскольку оно уже изначально интегрировано в космологический и социальный порядок.

Если же попытаться насильно наложить фрейдистские конструкции на эти культурные формы, возникает искусственность анализа, не отражающая подлинной структуры переживания. Сама идея Эдипова конфликта, вытекающая из модели нуклеарной семьи и европейской

морали, не может быть автоматически перенесена в социумы, где и структура семьи, и роль родителей, и понимание детско-родительских отношений кардинально иные. Это свидетельствует не об ошибочности самой психоаналитической идеи, а о необходимости её культурной адаптации, способной учитывать многообразие человеческого опыта.

Расширение психоанализа предполагает не отказ от базовых понятий, а их пересмотр в свете антропологического и культурологического знания. Только вписывая индивидуальную психику в контекст тех представлений, практик и символов, среди которых она формируется, можно надеяться на сохранение продуктивности теории. Иначе психоанализ рискует превратиться в замкнутую систему, объясняющую лишь саму себя, но неспособную проникнуть в иную картину мира, где другие коды, другая чувственность и иное восприятие желаний.

Со временем фрейдизм перестал быть исключительно теоретическим основанием узкой психоаналитической практики и превратился в нечто большее — в ткань, пронизывающую повседневное мышление, язык, метафоры и даже бытовые представления о себе и других. Идеи Фрейда, освободившись от академических рамок, стали действовать, словно культурные архетипы, перешагнув границы строго научного дискурса и обосновавшись в пространстве массовой культуры. Их повторяют в кино и литературе, цитируют в популярных статьях, используют в рекламных кампаниях, не всегда отдавая себе отчёт в происхождении этих понятий. В

этом новом качестве фрейдизм продолжает влиять на восприятие личности и поведения, не будучи признанным открыто.

Современные терапевтические практики, даже дистанцируясь от классического психоанализа, нередко опираются на его фундаментальные представления, интерпретируя их в новых терминах. Когнитивно-поведенческая терапия, акцентируя внимание на автоматических мыслях и внутренних установках, не отказывается от идеи бессознательного, просто заменяет её иным языком. Коучинг, оперируя целями, мотивациями и «ограничивающими убеждениями», воспроизводит ту же логику вытеснённых конфликтов и стремлений, но в позитивной, активной форме, ориентированной не на анализ, а на результат. Даже психосоматические подходы, исследующие связь между телесным симптомом и внутренними переживаниями, невольно перекликаются с ранними наблюдениями Фрейда о символическом выражении вытесненных эмоций.

Фрейд, пусть и подвергнутый критике, редукции и фрагментации, не исчез из интеллектуального пространства — он растворился в нём. Его понятия стали частью современного способа говорить о человеке, о желаниях, страхах, защитах, внутренней амбивалентности. Даже те, кто отвергает психоанализ, порой непроизвольно думают в его логике, интуитивно оперируя категориями, заложенными фрейдистским мышлением. Эта трансформация сделала теорию не менее влиятельной, чем прежде, пусть и в форме,

отдалённой от первоначальной.

Психоанализ, утративший монополию на объяснение внутреннего, оказался встроен в многоголосую систему культурных смыслов, где его следы можно обнаружить не только в кабинетах терапевтов, но и в телевизионных диалогах, в повседневных размышлениях о «детских травмах», «внутреннем ребёнке», «оговорках по Фрейду». Именно в этом размытом, но живом состоянии его идеи продолжают существовать, уже не как строгое знание, а как способ чувствовать и понимать человека в современном мире.

Переходя в цифровую эпоху, человек сталкивается с реальностью, в которой физическое взаимодействие больше не является обязательным условием для переживания чувственной близости. Виртуальные платформы, порнография, интерактивные модели и искусственные собеседники формируют среду, где сексуальное возбуждение и его разрядка могут существовать вне присутствия живого партнёра. Это ведёт к своеобразному перераспределению влечения — не исчезновению, а его новому формату, в котором границы между реальным, воображаемым и техническим оказываются практически неразличимыми.

Сексуальные роботы, разработка которых стремительно продвигается, и виртуальные спутники, всё чаще наделяемые элементами личности, эмоций и адаптивного поведения, действительно изменяют логику фрустрации. Отношение к другому становится менее

травматичным, поскольку «другой» — теперь это существо, всегда готовое к принятию, никогда не отказывающее, не предъявляющее требований и не вступающее в настоящую конкуренцию. Такая доступность создаёт иллюзию устранения конфликта, но за этой мнимой гармонией скрывается не исчезновение желания, а его технологическая репликация, переработка и управление.

Однако предполагать, что исчезновение внутреннего напряжения может привести к утрате творчества, означало бы чрезмерно сужать природу человеческой активности. Творчество, хотя и может опираться на переработку вытеснённого или неудовлетворённого влечения, не сводится исключительно к сублимации. Воображение, исследовательский импульс, стремление к самопознанию, игра с формами и смыслами, взаимодействие с новыми возможностями — всё это продолжает питать человеческую способность к созиданию. Более того, искусственный интеллект, вопреки страхам о подмене, всё чаще оказывается не замещающим фактором, а вдохновляющим: он открывает формы, ранее невозможные, провоцирует переосмысление привычных жанров, расширяет границы выразительности.

Взаимодействие с цифровыми технологиями, будь то в сфере эротики или интеллектуальной работы, не исключает напряжения, но переводит его в новые регистры. Вместо борьбы с запретом возникает борьба с избытком, вместо подавления — необходимость различения и навигации среди бесконечных вариантов.

И в этих новых напряжениях обнаруживаются источники не менее мощного творческого импульса. Мир, в котором границы между человеком и машиной становятся всё более подвижными, не лишает личность её роли, а, напротив, бросает вызов её способности осмыслять, формировать, выбирать. Именно в этом вызове и продолжается творчество — не вопреки исчезновению старых форм конфликта, а благодаря рождению новых, ещё не до конца понятных и не окончательно оформленных.

Постепенно переходя от мира телесного контакта к пространству нейротехнологий, человечество начинает выстраивать новую модель переживания, в которой физическое возбуждение может быть вызвано не объектом, а напрямую — стимуляцией мозга, без участия другого, без необходимости в межличностной динамике. В перспективе, не такой уж и далёкой, становится возможной ситуация, где влечение теряет свою направленность, а сексуальное удовлетворение, утратив привычный источник, начинает ассоциироваться с состоянием внутренней насыщенности, искусственно поддерживаемым. В этом контексте сексуальность, как способ обращения к другому, к телу, к образу, может постепенно утратить своё доминирующее значение, освободив место новым формам эмоциональной самодостаточности.

Такое развитие событий ставит под вопрос не только фрейдистскую теорию влечений, но и всю ту структуру субъективности, что строилась на напряжении между желанием и его недостижимостью. Фрейдизм, будучи в

высшей степени чувствителен к эпохе, описывал человека, погружённого в мир конфликтов, вытеснений, символических преобразований. Если исчезает конфликт, если влечение теряет направленность, а удовольствие обеспечивается технически, теория, созданная для анализа таких противоречий, оказывается в положении завершённого культурного документа — величественного, фундаментального, но принадлежащего истории. В этом случае фрейдизм становится частью археологии психики XX века, свидетельством того, каким было понимание внутреннего в ту эпоху, когда желания были неотделимы от боли, запрета и преодоления.

Тем не менее, исчезновение формы не означает исчезновения метода. Наблюдение за бессознательным, способность слышать в случайной фразе отголосок глубинного импульса, умение распутывать скрытые смыслы, скрытые не цензурой, а самими структурами языка и образа, остаётся востребованным. Язык психоанализа, обладая особой чувствительностью к тонкостям, к смещению, к ошибке и оговорке, сохраняет актуальность даже тогда, когда объект анализа меняется. Не сам либидо как категория важен, а логика его движения, превращения, трансформации в знаки, в формы, в поведение.

Поскольку даже в гипотетическом будущем, где влечение заменено нейрохимическим равновесием, остаётся внутренний процесс различения между подлинным и искусственным, между желанием и его заменителем, между образом и опытом, психоанализ как

метод остаётся значимым. Он продолжает выполнять функцию расшифровки, тонкой навигации по полю субъективного, даже если само это поле принимает радикально новые очертания. И именно в этом устойчивость метода — не в сохранении прежних понятий, а в способности сопровождать субъекта сквозь переменчивые пространства его внутренней жизни.

Однажды открыв ту дверь, за которой пряталась неупорядоченная, тёмная и тревожная сторона человеческого, Фрейд не просто изменил направление научной мысли — он необратимо сдвинул границы возможного в понимании себя. После этого возвращение к наивной целостности оказалось невозможным: внутренний мир уже не мог восприниматься как нечто простое, рациональное или окончательно осмысленное. Человечество, шагнувшее вслед за этим открытием, оказалось в пространстве, где желания больше не поддаются прямому выражению, где каждая эмоция преломляется в множестве смыслов, а личность теряет чёткие очертания, размываясь между бессознательным импульсом и социальной маской.

Но по мере того как формы влечений меняются, а внешняя среда всё активнее вмешивается в их формирование — через технологии, через культуру, через алгоритмы — сама структура внутренней жизни претерпевает качественные сдвиги. Нельзя уже полагаться на прежние карты, потому что сама география чувств и стремлений изменилась. Новая архитектура влечений не знает устойчивых осей: здесь исчезает стабильное различие между внутренним и

внешним, между воображаемым и реальным, между биологическим и цифровым. Желание, не теряя своей силы, распадается на сетевые импульсы, на символы, на персонифицированные интерфейсы, на мимолётные сигналы, которые приходят не изнутри, а со всех сторон одновременно.

Жить в этой новой архитектуре — значит научиться удерживать напряжение без готовых объяснений, распознавать подлинное среди симулированного, восстанавливать внимание к себе не как к завершённой сущности, а как к процессу, непрерывно перестраивающемуся под давлением среды. Здесь не работают прежние схемы подавления и компенсации, потому что запрет больше не формирует желание — теперь его формирует доступность, насыщение, алгоритмическая предсказуемость. В этих условиях творчество, самопонимание, эмоциональная зрелость требуют не подавления, а фильтрации, различения, выбора.

Поэтому психоанализ, начатый Фрейдом, перестаёт быть набором доктрин и превращается в метод навигации по новому устройству влечений. Это уже не карта глубин, а чувствительность к тонким смещениям, к структурным искажениям, к ритмам внутреннего, нарушенным потоком внешнего шума. И хотя возврат за ту самую дверь невозможен, остаётся возможность — и необходимость — научиться существовать в том мире, что за ней раскрылся, мире, в котором человеческое, как никогда прежде, зависит от способности видеть себя не в зеркале желаний, а в их архитектуре.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge.
- Foucault, M. (1978). *The History of Sexuality: Volume I*. Pantheon Books.
- Freud, S. (1905). *Three Essays on the Theory of Sexuality*. Basic Books.
- Freud, S. (1923). *The Ego and the Id*. W. W. Norton & Company.
- Gay, P. (1988). *Freud: A Life for Our Time*. W. W. Norton & Company.
- Han, B.-C. (2017). *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*. Verso.
- Luyten, P., & Fonagy, P. (2015). The neurobiology of mentalizing. *Personality Disorders*, 6(4), 366–379.
- Marcuse, H. (1964). *One-Dimensional Man*. Beacon Press.
- McGowan, T. (2016). *Psychoanalytic Theory: An Introduction*. Bloomsbury.
- Turkle, S. (2011). *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. Basic Books.
- Twenge, J. M., Spitzberg, B. H., & Campbell, W. K. (2019). Less in-person social interaction with peers among U.S. adolescents in the 21st century. *Journal of Adolescence*, 77, 80–94.
- Žižek, S. (1991). *For They Know Not What They Do: Enjoyment as a Political Factor*. Verso.
- Attwood, F. (2011). *Mainstreaming Sex: The Sexualization*

of Western Culture. I.B. Tauris.

Feldman, R. (2012). Oxytocin and social affiliation in humans. *Hormones and Behavior*, 61(3), 380–391.

Herbenick, D., Reece, M., Schick, V., Sanders, S. A., Dodge, B., & Fortenberry, J. D. (2010). Sexual behavior in the United States: Results from a national probability sample of men and women ages 14–94. *Journal of Sexual Medicine*, 7(s5), 255–265.

McGlone, F., Wessberg, J., & Olausson, H. (2014). Discriminative and affective touch: Sensing and feeling. *Neuron*, 82(4), 737–755.

Mercer, C. H., Tanton, C., Prah, P., Erens, B., Sonnenberg, P., Clifton, S., ... & Johnson, A. M. (2013). Changes in sexual attitudes and lifestyles in Britain through the life course. *The Lancet*, 382(9907), 1781–1794.

National Institute of Population and Social Security Research (NIPSSR). (2017). The Fifteenth Japanese National Fertility Survey.

Park, Y., & Kwon, M. (2018). Sexuality in contemporary Korea: Survey results and cultural implications. *Korean Journal of Health Psychology*, 23(4), 579–595.

Twenge, J. M., Sherman, R. A., & Wells, B. E. (2017). Declines in sexual frequency among American adults, 1989–2014. *Archives of Sexual Behavior*, 46(8), 2389–2401.

Twenge, J. M. (2017). *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood*. Atria Books.

Kruger, B. (2025). From repression to saturation: A critical reappraisal of Freudian psychoanalysis in the context of

cultural transformation. Clinical Research News.

Kruger, B. (2025). The paradox of sexual liberation: Neurophysiological and psychosocial decline in intimacy in the digital era. Clinical Research News.